

**ДУРА
СРЕДНЕГО
ВОЗРАСТА**

Ирина Мясникова

Ирина Николаевна Мясникова

Дура среднего возраста

Серия «Карьеристки»

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27061020

Аннотация

Успешный предприниматель Альберт Тарасов бесследно исчез во время семейного отдыха в Финляндии. Прошло десять лет. За это время Любаше Тарасовой, жене без вести пропавшего, удалось отбиться от многочисленных кредиторов супруга, найти работу стать хорошим специалистом и руководителем, вырастить сына и даже отправить его на учебу в Германию. Личная жизнь Любаши вроде бы тоже начинает налаживаться, но...

Ирина Мясникова

Дура среднего возраста

Любовь Владимировна Тарасова уныло разглядывала в зеркале свой лоб и прикидывала, во сколько ей обойдется очередной визит к косметологу. Лоб никуда не годился. На нем проявились не только продольные морщинки, называемые творческими, но и всюю красовались поперечные – руководящие. Всем известно, что творческие морщины образуются, если дамочка постоянно удивляется чему-то и приподнимает бровки кверху, а руководящие появляются, если дамочка то и дело хмурится. И отчего же, спрашивается, эти морщинки названы руководящими? А от того, что руководящая дамочка хмурится гораздо чаще, чем домохозяйствующая жена какого-нибудь олигарха. У руководящей дамочки ответственность не только за семью, а еще и за коллектив и порученный этому коллективу участок работы.

Любовь Владимировна Тарасова к данному моменту уже являлась дамочкой вполне себе руководящей и ответственной, кстати, с довольно приличным заработком. Для таких вот ответственных и прилично зарабатывающих хитрющие доктора и удумали чудодейственное средство под названием «ботокс». Стоит этот ботокс, разумеется, как и всё хорошее дорого, зато и эффект имеет практически мгновенный и достаточно продолжительный. Месяца три как минимум и

месяцев шесть как максимум. Так что походила красавицей некоторое время, изволь опять доктору денег заплатить. Ну, или замри. В смысле перестань хмуриться и удивляться. Хорошая идея, но к живым людям никакого отношения не имеющая. Женщины со стажем прекрасно понимают, что ничто так не старит, как эти вот поначалу тоненькие практически незаметные морщинки, с возрастом превращающиеся в глубокие борозды, поэтому и бегут эти дамочки к косметологам и несут свои кровные.

Конечно, Тарасовой пока вполне можно было бы обойтись без косметолога с ботоксом в шприце и завесить лоб челочкой. Главное при этом безмятежно улыбаться, чтобы никому и в голову не пришло, что там скрывается под легкомысленными завитушками. Но! Всегда есть это самое «но». Не приведи Господь, челка сдвинется или её придется заколоть, и тогда всем окружающим сразу станет ясно, что Любовь Владимировна не просто дура, каковой, по мнению большинства мужчин, и положено быть женщине, а дура среднего возраста.

Казалось бы, еще совсем недавно Любаша Тарасова была счастлива, молода и беззаботна. Какие там морщины? Особенно руководящие? Ведь Любаша руководила исключительно собственным мужем, который исполнял все её желания. Можно сказать, пылинки сдувал. Но! Опять это самое «но». Хорошее почему-то всегда заканчивается, причем как-то особенно быстро, не успеешь оглянуться. Зато плохое

потом тянется и тянется, практически бесконечно.

Замуж Любаша выскочила в двадцать лет на последнем курсе института, диплом она защищала, находясь в любовном дурмане и на шестом месяце беременности. Слава Богу, что защитила, ведь в её дурацкой голове тогда поселилась коварная мысль бросить всё к чертовой матери. Всё, в смысле учёбу. Зачем напрягаться, зубрить, готовиться к экзаменам, нервничать и переживать, когда жизнь так замечательно складывается? Кому он нужен этот диплом, ведь Любаше теперь не придется работать ни минуты? Муж обещал. Хорошо родители тогда настояли на защите. Причем настояли вполне себе решительно и категорически. Папа даже к аккуратненькому носику Любаша поднес свой внушительный кулак и сказал:

– В нашей семье дуры, конечно, имеют право на существование, но дур без высшего образования семья не потерпит.

– Разумеется, девушка может побывать замужем, – добавила мама, – но диплом у нее должен быть в любом случае. Приличная жена разве бывает без высшего образования? Как она будет поддерживать беседу с образованным супругом и воспитывать детей? А кроме того сегодня муж есть, завтра его нету!

Как в воду глядела. Теперь Любаша была очень благодарна родителям за науку и диплом экономиста. Ведь Алик, муж Любви Владимировны Тарасовой, испарился ровно через десять лет после свадьбы, в самом разгаре их такой счаст-

ливой и безоблачной совместной жизни. Именно испарился, исчез, растворился в голубой дали, иначе не скажешь.

В тот ужасный год Тарасовы всей семьей на зимние каникулы отправились в Финляндию, кататься на лыжах и плескаться в аквапарке. Чего, спрашивается, поперлись они в эту Финляндию, когда в собственном загородном доме и бассейн имеется, и лес кругом? Катайся себе хоть на лыжах, хоть на снегоходах. Но Любаше требовалось сменить картинку. Она, бедняжка, устала от однообразия окружающей её красивой жизни. Конечно, ей хотелось непременно куда-нибудь в жаркие страны, но во-первых, ребенок трудно переносил акклиматизацию и смену часовых поясов, а во вторых, у супруга как всегда в самый неподходящий момент организовались какие-то важные дела, требовавшие его нахождения в непосредственной близости от офиса. То есть хотя бы в соседней Финляндии, а не на другом конце планеты.

Разумеется, поехали на машине Алика. Туда не то, что всё семейство с барахлом и лыжами можно было уместить, там вполне бы еще разместились пара слонов с запасом кормов на три месяца. Всю дорогу Алик с кем-то спорил по телефону, но Любаша в эти беседы не вникала, как никогда не вникала в бизнес супруга. Больше всего она тогда волновалась, что разговоры по телефону мешают Алику следить за дорогой. Зима же, в конце концов, гололед и всё такое. Уж если такой сарай на полном приводе войдет в занос, то хрен ты его потом из этого заноса вытащишь. Полный привод в машинах

служит для повышенной проходимости, а не для того, чтобы на этом приводе по гололеду гоняться. А ведь в машине бесценный ребенок, сын Данилка, над которым любящие родители тряслись с самого его рождения! Данилкины первые улыбки, первые зубки, первые шаги, первые слова, первые друзья, дни рождения, дни знаний, путешествия с родителями за границу – всё тщательно документировалась с помощью специальных альбомов с фотографиями и подписями. Также снимались семейные видеофильмы. Поэтому раздраженная Любаша выгнала мужа из-за руля и повела машину сама. Тихонечко и осторожно, не отвлекаясь на телефонные переговоры.

Доехали благополучно, разместились в шикарном люксе с двумя спальнями. Никаких других номеров Алик не признавал. Он всегда и везде выбирал все самое лучшее и дорогое, справедливо полагая, что скупой платит дважды. Любаша сразу же записалась на неделю вперед на все возможные спа-процедуры. Данилка в свою очередь тут же потащил родителей в аквапарк и опробовал тамошние горки. Картину портил Алик, который по-прежнему не расставался с телефоном. Ну как тут оставишь с ним ребенка, чтобы посетить спа? Всю неделю Любаша с сыном пытались оторвать папашу от телефона, но он никак не поддавался, только махал руками в ответ и отшучивался. В результате Любаша по-настоящему обиделась, даже впервые в их совместной жизни надула губы и рявкнула на обожаемого мужа. Любашино

неожиданное рычание, однако, на супруга должного впечатления не произвело, и он продолжил бубнить по телефону практически круглосуточно. Будто бы назло Любаше.

За пару дней перед отъездом домой в Питер Алик сообщил, что ему необходимо съездить кое-куда по делам и исчез вместе с машиной. Именно исчез, потому что к вечеру он не вернулся. Не вернулся он и к следующему утру. Перепуганная Любаша поставила на уши администрацию отеля и местную полицию. Финская полиция в отличие от российской милиции не стала отмахиваться от заявления о пропаже чьего-то мужа, ржать, многозначительно подмигивать и говорить, что товарищ проспится и появится. Финская полиция тяжело вздохнула и стала тревожно переговариваться по рации на своем на финском совершенно Любаше непонятном языке, а потом и вовсе включила мигалку и умчалась на розыски пропавшего. Не исключено, конечно, что на финском по рации как раз и обсуждалась вероятность именно того самого, мол, товарищ загулял, проспится и сам объявится. Просто финские полицейские в отличие от наших морды имеют непроницаемые и эмоциям не подвержены. И с мигалкой они, вероятно, умчались в сторону обеденного перерыва, а не на поиски Алика Тарасова. Но Любаша почему-то еще верила в хорошее, однако, уже не переставая хмурилась. Видимо, первые руководящие морщины появились у нее именно тогда. Потом Любаше только и оставалось, что удивляться последующим событиям, отчего на лбу прореза-

лись еще и морщины творческие. Да уж! Жизнь Любове Владимировны Тарасовой совершила неожиданный кульбит.

Финская полиция не обнаружила на территории Финляндии ни супруга Любаши, ни его огромного автомобиля. При этом пограничная служба категорически заявляла, что территорию Финляндии господин Альберт Тарасов не покидал. Как же, как же! Так Любаша им и поверила. Небось, сел на паром до Гамбурга вместе с автомобилем, и всем привет! Вот они недостатки Шенгенской визы. Это его возвращение в Россию ещё как-то отследить можно, ну, или там вылет в африканские страны. А если у него вообще теперь новый паспорт? О том, что с супругом случилось что-то страшное, Любаша решительно не желала думать. Не такой человек её муж Альберт Александрович Тарасов, чтобы его можно было вот так, за здорово живешь тюкнуть чем-нибудь тяжелым по темечку или вообще застрелить из пистолета. Ведь в этом случае финны обязательно бы его нашли. Ну, в смысле его холодное тело. Хотя, кого там можно найти в глухих финских лесах и болотах? Может, лежит сейчас её бедный Алик где-нибудь на дне финского озера, прямо в своем чёрном огромном автомобиле. Нет, фигушки! Любаша решительно отменила от себя подобные видения. Еще нафантазируешь! Она знала, что мысли имеют свойство материализоваться. Вон как хорошо сбывались все её мечты. Ровно до этого вот момента. Ничего, она еще намечтает, что у Алика всё хорошо, просто спустило колесо, а телефон разрядился.

Однако на все вопросы финских полицейских о том, были ли у её супруга какие-нибудь неприятности или недоброжелатели, Любаше приходилось только пожимать плечами. Она ловила на себе укоризненные взгляды стражей финского порядка и чувствовала себя безмозглой куклой. Было нестерпимо стыдно. Она ведь даже не знала, чем занимается её супруг! Что-то связанное с поставками оборудования. Что за оборудование? Вроде бы трубы какие-то. Куда поставляется? Куда-то поставляется. Действительно прав был папа, дура – она дура и есть, хоть и дипломированная. Но ведь так же хорошо всё было! Десять лет безоблачного счастья, когда не надо ни о чем думать. Тем более о каком-то там оборудовании и трубах.

Любаша сделала всё возможное, что только можно было сделать в Финляндии для поиска пропавшего мужа, и отправилась на родину. Благо в сейфе номера вместе со своим паспортом она обнаружила кое-какую сумму в евро. Не бог весть что, но достаточно, чтобы без проблем и с удобствами выехать обратно. Она заказала билеты на поезд и в слезах вернулась домой на Родину. Всю дорогу она периодически злилась на гада и поддонка, бросившего её одну с ребенком, или тихонько плакала, представляя его одинокое замерзшее тело.

Дома Любашу ждал очередной сюрприз. Открыв дверь городской квартиры, она обнаружила там страшный бардак. Всё было разбросано и перевернуто, даже крупа высыпана

из банок. В гостиной, в том месте, где Алик в свое время установил сейф, выломана часть стены. Сейфа нигде не было. Любаша плюхнулась на диван, притянула к себе Данилку и замерла с открытым ртом. Ребенок испуганно озирался по сторонам, а Любаша не могла пошевелиться. Ей казалось, что вся она, включая голову, набита ватой. В это время раздался звонок в дверь. Любаша взяла себя в руки, встала и трясущимися руками с трудом открыла замок. За дверью стояла группа охранников из вневедомственной охраны. Ведь квартира находилась на сигнализации, а сигнализацию Любаша, естественно, даже не подумала отключить. Ей как-то в голову не пришло, что подобный бардак можно учинить, не снимая квартиру с сигнализации. Тут с ней впервые в жизни и приключилась самая настоящая истерика. Растерянные охранники, как могли, утешали её, подавали воду, пытались навести какой-никакой порядок и неуклюже шутили. Данилка насупился и гладил Любашу по голове. Суровый взгляд сына подействовал на нее лучше любого успокоительного. Любаша пришла в себя и первым делом позвонила родителям с просьбой на время забрать ребенка к себе. Сама ехать к ним она отказалась. Ей предстояло привести квартиру в порядок и проверить еще, что делается в загородном доме. Вневедомственная охрана вызвала милицию, та повела себя не хуже финской полиции и прибыла довольно быстро. Любаша, не вдаваясь в подробности, связанные с исчезновением мужа, обрисовала ситуацию, мол, приехали с каникул, и

вот... На милицию надежда у Любаши была слабая. Тех, кто вскрыл квартиру, не побеспокоив сигнализацию, они вряд ли найдут, а уж про сейф и говорить нечего. Так прям сразу и кинутся искать! Нет, сейф-то менты, скорее всего, найдут, а вот его содержимое. Тем более, что про содержимое сейфа Любаша и сама толком ничего не знала. Ну, кроме того, что перед отъездом сложила туда свои драгоценности, хотя Алик и предлагал отнести их в ячейку. Ячейка!!! Вот о чем Любаша абсолютно забыла. А ведь там наверняка находится кое-что, что позволит ей нормально существовать без Алика, хотя бы первое время. Слава Богу, ключ от ячейки был припрятан не в квартире, а в Любашином автомобиле, в пепельнице, куда Любаша складывала всяческий мусор типа фантиков и оберток. Алик еще всё время её за это ругал, предупреждал, что она как-нибудь выкинет ключ вместе с мусором. Любаша над ним смеялась и говорила, что раз он назначил её хранительницей ключа, то хранить его она будет по своему усмотрению.

«Ключ ключом, – подумала Любаша, – а вот куда Алик спрятал договор с банком на ячейку»?

Это был вопрос вопросов. Ведь если договор находился в сейфе, то злые люди, укравшие сейф, теперь знают, в каком банке эта ячейка находится. А уж заставить Любашу выдать им её содержимое для них вероятно сущий пустяк. Вон как ловко сигнализацию обошли. То, что обыск в квартире и пропажа сейфа напрямую связаны с исчезновением Алика,

Любаша уже не сомневалась. Только бы он оказался жив!

Сдав Данилку испуганной маме, Любаша первым делом ринулась на подземную парковку, где под камерами видеонаблюдения оставался её перламутровый двухместный спортивный «Мерседес». Другого автомобиля у любимой жены Альберта Александровича Тарасова даже странно было бы себе представить. Помните? Только всё самое лучшее и дорогое, потому что скупой платит дважды. Поэтому чего уж тут удивляться, что с самого рождения Данилки каждые три года Алик дарил Любаше новый спортивный «Мерсюк» взамен старого. Этот, по счету четвертый, и вовсе был манерным кабриолетом с раздвижной крышей. Машина оказалась на месте, зато рядом с ней обнаружился и некий дядька весьма прилично одетый. Дядька подпирал стенку и курил. Судя по всему, находился он в паркинге недавно, так как большого количества окурков вокруг места дислокации данного товарища Любаша не обнаружила. Видимо получил сообщение от каких-то наблюдателей, что Любовь Тарасова явилась по месту постоянного проживания, и решил навестить её автомобиль. Мысль, что сам дядька мог быть тем самым наблюдателем и следить за квартирой Тарасовых, Любаша отменяла сразу, уж больно тот был солидным и холеным. С того момента, как жизнь стукнула Любашу по её дурацкой беззаботной башке, она с удивлением стала замечать за собой странную наблюдательность и подозрительность. Видать, не совсем она дура пропащая, главное только, чтобы эта её на-

блюдательность и способность логически мыслить не превратились со временем в паранойю.

– Девушка, не желаете машину продать за недорого, а лучше подарить? – вежливо поинтересовался дяденька у Любаши.

– Я сейчас закричу, – сообщила ему Любаша, – громко закричу.

– Напрасно. Но если желаете, кричите себе на здоровье. А вот машину, квартиру и дом придется отдать. Ваш дорогой супруг очень сильно задолжал уважаемым людям.

– Неправда! У Алика никогда не было и нет долгов. Уж я-то знаю. Он долги терпеть не может.

– Много вы знаете про своего мужа, как я погляжу, – дядька криво усмехнулся. – Через него очень хорошие люди пострадали, а пострадавшим положена компенсация, – ласково поведал он, беря Любашу под локоток.

Любаша вывернулась и отскочила подальше.

– Послушайте! – крикнула она дядьке. – Я и правда ничего такого знать не знаю, ведать не ведаю. Долги, компенсации, упущенная выгода, – в голове Любаши вдруг всплыли умные слова из курса финансов. – Какие будут ваши доказательства? – А эта фраза и вовсе странным образом объявилась из старого фильма про разведчиков. – Разбирайтесь с Аликом сами, а меня оставьте в покое.

– Это никак не получится, – заявил дядька, – ни вас, ни вашего сына мы в покое оставить не сможем. Конечно до тех

пор, пока вы не отправитесь со мной к нотариусу и не перепишите всё имущество.

При словах о сыне у Любаши внутри всё похолодело, однако это же и заставило её странным образом собраться с мыслями и рассвирепеть. Недаром говорят, что мамаша, если её детенышу что-то угрожает, теряет человеческий облик и готова загрызть всякого. Грызть дядьку Любаша не стала, а показала ему кукиш. Еще и покрутила им туда-сюда для пущей убедительности. Кукиш с ярко-красными длинными ногтями смотрелся вполне себе неплохо.

– Накося выкуси, – сообщила она дядьке, – всё имущество на Алика записано, даже это вот говно. – Она изо всех сил пнула автомобиль, изображая, что никакой особой ценности он для неё не представляет. – Я к этому бараклу не имею никакого отношения.

– Ну, вы же теперь наследница, – дядька продолжал оставаться вежливым, несмотря на Любашин кукиш и всё её некрасивое, можно сказать, хамское поведение.

– Ха! – тут уже Любаше стало весело. – Чья?

– Супруга вашего, Альберта Александровича Тарасова! – Как несмышленьшу, пояснил Любаше вежливый дядька.

– Да ну?! – Любаша сделала круглые глаза. – Мой супруг Альберт Александрович Тарасов без вести пропал на территории Финляндии. Может в болоте утонул, а может в Гамбурге прохлаждается. У меня даже бумага есть соответствующая, и посольство наше должным образом финскими по-

лицейскими уведомяно. Или у вас есть свидетельство о его смерти? Нету? Тогда не смею вас больше задерживать. – Любаша развернулась и гордо последовала к выходу. Тут ей в голову пришла страшная мысль, она остановилась, строго посмотрела на дядьку и добавила:

– И не вздумайте мне подсовывать трупы для опознания! Альберт Александрович Тарасов по данным Финской и Российской пограничных служб на территорию России не въезжал.

На лице вежливого дяденьки Любаша к большому своему удовольствию заметила легкое смятение. Открывать машину с ключами от ячейки, а также пользоваться лифтом, чтобы вернуться в квартиру, она не решилась. Любаша вышла из паркинга на улицу и побрела по обледенелому тротуару, куда глаза глядят. Во всяком случае именно так это выглядело со стороны, но так как Любаше Тарасовой пришлось срочно поумнеть и повзрослеть, глаза её глядели не куда попало, а в совершенно определенном направлении. В направлении дома, где проживала её школьная подруга. Проживала не одна, а совместно с супругом, работником органов. И не каких-нибудь там обычных, ментовских, а самых главных органов в стране.

С тех пор прошло немало времени. Соломенная вдова Любовь Владимировна Тарасова работала старшим аудитором и начальником отдела аудиторских проверок солидной компании «Михайлова и партнеры». Зарабатывала она

неплохо, совсем даже неплохо, что позволяло ей не только регулярно посещать косметолога, хорошо одеваться, но и обеспечивать сыну приличное образование. Данилка учился в Баварии. Конечно он там где-то чего-то подрабатывал, но этого хватало разве что на фигли-мигли, типа новых кед и джинсов. Учёбу в университете и проживание сына полностью оплачивала Любаша. Разумеется, для этого ей приходилось сильно напрягаться, так как в банковской ячейке, на которую она так сильно рассчитывала, не оказалось ничего, кроме договора на эту самую ячейку. Городскую квартиру Любаша сдала в аренду, а сама жила в загородном доме. Её модную когда-то машину без Тарасова, к сожалению, было не продать, ездить на ней по загородным дорогам оказалось практически невозможно особенно зимой, поэтому она пылилась всё там же в подземном паркинге, постепенно превращаясь в раритетную. Себе Любаша со временем приобрела в кредит практичный кроссовер. На нем можно было и любые сугробы преодолевать, и в городе по трамвайным путям прыгать. Да и выглядела машина вполне себе прилично.

Нельзя сказать, что кредиторы её без вести пропавшего супруга, те самые злые люди, так вот запросто оставили Тарасову в покое. Беспокоили, еще как! То приглашали на опознание каких-то безымянных трупов в разных странах Евросоюза, то подсылали адвокатов с липовой доверенностью от Альберта Александровича Тарасова, то просто угрожали видимо для профилактики, чтоб не расслаблялась. Оттого го-

лова Любви Владимировны Тарасовой сделалась практически полностью седой, но никто об этом даже не догадывался. Уж седину закрасить – дело и вовсе плёвое, особенно при наличии необходимого количества денежных средств. Алик знать о себе не давал, и Любаша постепенно свыкла с потерей мужа и со своим двойственным положением. Замуж она не стремилась. Да и за кого замуж-то выходить?

* * *

– Нет!!! Ты представляешь! Поляки, сволочи! Совсем стыд потеряли! – донеслось из кухни, как только Марина открыла входную дверь.

– Поляки?! – она плюхнулась на крохотный стульчик в крохотной прихожей их с матерью крохотной квартирki и стала стягивать сапоги. – Чем тебе поляки-то не угодили?

Сапоги у Марины были знатные. Красивые такие, модные и очень дорогие сапоги. Между прочим, с молнией сзади. Вот! Марина каждый раз страдала, надевая их, чтобы тащиться к метро по непролазной грязюке родного Купчино. В таких сапогах надо исключительно на машине ездить. Лучше бы, конечно, на красной иностранной и спортивной, но и на обычной отечественной тоже можно. Марина сняла сапоги и аккуратно поставила их на коврик. Разделась, достала сапожную щётку и принялась приводить сапоги в порядок. Через минуту они засверкали как новенькие. Марина полю-

бовалась ими и убрала эту ценную вещь в малюсенький стеной шкаф. Выходить из прихожей совершенно не хотелось. Она присела обратно на стульчик и прикрыла глаза. Мгновенно навалилась усталость. Как будто Марина не сидела целый день за компьютером в красивом офисе, а разгружала какие-нибудь вагоны.

– Прогибаются перед Америкой! Никакой национальной гордости у людей не осталось, тьфу! – матушка тем временем продолжала митинговать на кухне перед телевизором. – Этот черножопый вертит ими, как хочет!

– Да, ты расистка, – лениво заметила Марина, не открывая глаз. – Разжигает межнациональную рознь.

– Я правду говорю! – Раскрасневшаяся матушка выскочила в прихожую, в руках она сжимала тефлоновую лопатку, а из кухни вдруг резко запахло жареными котлетками. Марина сглотнула слюну.

– Вон, – кивнула она в сторону квитанций, которые по дороге забрала из почтового ящика, – Обама проклятый опять тебе повысил расценки на отопление и воду да еще лампочку в подъезде вывернул. Или это Меркель расстаралась?

– Всё шутишь? Ох, смотри, дошутишься у меня. – Матушка погрозила Марине лопаткой и свободной рукой взяла квитанцию. – Твою ж ты мать! Вот, сволочи!

– А ты Путину письмо напиши, он разберется, – посоветовала Марина матери и зевнула, – может даже и лампочку ввинтит.

– Ага! И уши тебе, засранке надерет. Иди есть, всё готово уже.

– Щас, – Марина поплелась в ванную. Там она сняла с себя костюм и надела домашний халат. Костюм у Марины был под стать сапогам. Стильный до невозможности. Хоть сейчас её в этом костюме по телевизору показывай. И дорогой опять же, гад! Марина понесла костюм к себе в комнату, повесила на плечики, второпях брошенные с утра на кровать, и открыла шкаф. Там было практически пусто. За исключением, конечно, парочки таких же дорогих костюмов и одного не менее дорогого платья. Марина в соответствии с заветами дедушки Ленина считала, что «лучше меньше, да лучше». Это у матушки шкаф ломился от кучи дешевых шмоток с рынка.

Разумеется, Марина не всегда воротила нос от турецкой и китайской рыночной одежды. Когда-то такие вещи казались ей невероятно шикарными. Но это было в прежней жизни до учебы в финансовом университете. Там Марина быстро поняла, что к чему. Ведь в своих тряпочках она выглядела самой настоящей Золушкой, прокрававшейся на бал без помощи волшебной феи крестной. И это при том, что университет, в котором училась Марина, не был самым крутым университетом в городе Санкт-Петербурге. До Перестройки он назывался инженерно-экономическим институтом, в народе просто «инжеконом», и носил имя генерального секретаря коммунистической партии Италии Пальмиро Тольятти. Ка-

кое отношение итальянский коммунист имел к экономике, студентам «инжекона» было неизвестно. Но в советские времена и экономика-то была плановой, то есть, не совсем экономикой. Видимо поэтому, несмотря на то, что экономические и финансовые профессии вошли в моду, учеба в этом университете еще стоила разумных денег. В ведущий в городе Университет экономики и финансов Марину за эти деньги и на порог бы не пустили, так же как и в Высшую школу экономики при Петербургском государственном университете. Там учились разные «элитчики», родители которых уже заготовили для деток теплые места в госкомпаниях и за границей. Публика попроще довольствовалась «инжеконом». Туда и ездить из Купчино было ближе.

Деньги на учебу выделила бабушка из своих «гробовых» накоплений, иначе видела бы Марина это высшее образование, как свои уши. Нет, безусловно, в природе существовали какие-то уникальные персонажи, поступавшие на бюджет, но ходили слухи, что такое поступление тоже стоит денег и немалых. На последних курсах Марина уже подрабатывала в бухгалтерии, и весь свой заработок отдавала бабушке. Так что на похороны впоследствии «гробовых» хватило с лихвой.

В университете Марина подружилась с грузинской девушкой Этери, которая и научила её одеваться элегантно и дорого. По крайней мере дорого с виду. Этери открыла Марине мир скидочных акций, и Марина радовалась, как ребенок,

когда удавалось прикупить вещь дорогого бренда, если уж не совсем по дешевке, то хотя бы по приемлемой цене, от которой глаза не выкатывались из орбит. После завершения учебы родители удачно выдали Этери замуж, и она теперь жила за границей, а Марина осталась у себя в Купчино, зато устроилась на работу своей мечты. Однако заработной платы ей пока еще не хватало, чтобы навещать Этери в красивой жизни на Лазурном берегу. Ведь мало купить билет до Ниццы и обратно. Необходимо еще много всякой всячины типа купальников, шляп, сарафанов, туфель и платьев для коктейля, чтобы выглядеть королевишной, а не всё той же сиротской Золушкой.

Пристроив костюм в шкаф, она потащила на кухню, по дороге прихватив в прихожей журнал, который купила у метро. Когда она расположилась за столом и открыла журнал, матушка брякнула перед ней тарелку с котлетами и жареной картошкой. Пахло потрясающе вкусно.

– Всё либерастов почитываешь? – буркнула мать, глянув на журнал. – У, пятая колонна!

Марина тяжело вздохнула и решила не ввязываться в полемику. Матушка уселась напротив со своей тарелкой. Некоторое время ели молча. Потом матушка не выдержала.

– Всё, голубчики, доездились! – заявила она и сунула поднос Марины кукиш. – Вот вам Турция с Египтом.

Марина отложила журнал и внимательно посмотрела на мать.

– И вам тоже, – вежливо ответила она, отправляя в рот кусок котлеты. Показывать матери ответный кукиш Марина не посчитала нужным, и так всё ясно. – Я думала, мы по весне с тобой вместе дней на десять в Египет прокатимся. Мне новогодний бонус обещали хороший.

– Чего я в твоём Египте не видела?! – фыркнула мать.

– Да ничего и не видела. Ни в Египте, ни в Турции, ни ещё где.

– Думаешь самая умная, да? Образованная? Только вот что я тебе скажу, дочурка моя дорогая, не жили богато, не стоит и начинать! Думаешь, выберешься когда-нибудь из говна этого? – мать обвела рукой пятиметровую кухоньку. – Хрен тебе!

– Хрен так хрен, – покладисто согласилась Марина, додая картошку. – Тебе настричь газетки?

– Какой газетки? – не поняла мать и сделала круглые глаза.

– Обычной. Как при Советах, вместо туалетной бумаги. Чего ж к хорошему-то привыкать? Страна прикажет, а ты уже и готова! Вот она газетка!

– Ах ты, поганка! Отлупить бы тебя, да сил уже нет никаких.

– А ты новости меньше смотри, здоровее будешь, – Марина встала из-за стола и понесла посуду в раковину. – Спасибо, мамулька, всё было очень вкусно! Как всегда, – Марина чмокнула мать в седую макушку и принялась за мытьё посу-

ды.

Мытьё посуды было обязанностью Марины с самого детства. В глубине души она мечтала, что когда-нибудь сможет позволить себе посудомоечную машину, вот только поставить её в пятиметровой кухоньке негде. Эх! Снести бы все стены! Сделать для них с матерью по маленькой комнатке, а в остальном пространстве организовать приличную кухню с большим обеденным столом. Марина видела такое в квартире, которую для Этери снимали родители. Да где там! Даже если Марина накопит денег на такой ремонт, мать ни за что не согласится. В её представлении у приличных людей просто обязана быть некая зала. Откуда в лексиконе матери появилась вдруг эта «зала», Марина даже не могла предположить. Так только деревенские люди гостиную называют. Да, какая разница, собственно говоря, когда эта комната, которую мать гордо именует «залой» ничего общего ни с залом, ни с гостиной не имеет. Разумеется, там висит большая чешская хрустальная люстра, вернее даже не висит, а лежит на голове у входящих, стоит полированный обеденный стол, который раскладывается, и в таком состоянии за ним вполне могут разместиться восемь человек. Правда, в этом случае сесть уже будет некуда. То есть восемь человек, стоя, с люстрой на головах. Фуршет так фуршет! Кроме того, в этой «зале» имеется сервант от чешского или польского гарнитура, Марина точно не помнит страну происхождения этого зеркального чуда под названием «Хельга». Сервантом

матушка очень гордится и называет его исключительно по имени. Мол, возьми рюмки в Хельге. Хотя посуда, выставленная в этой самой Хельге, используется очень редко только по большим праздникам. Посуда тоже богатая. Рюмки и фужеры сверкают хрусталем, тарелки переливаются перламутровыми розами. Одну из стен материнской залы украшает красный ковер, рядом с которым располагается раскладной диван, на котором, собственно, матушка и спит. Раскладывать диван тоже некуда, поэтому мать спит на неразложенном, благо рост позволяет. Вот Марина бы точно на этом диване не уместилась. Венчает композицию залы трехстворчатый полированный шкаф от той же самой Хельги. И, разумеется, в красном углу находится постоянно бубнящий телевизор, которым мать чрезвычайно гордится. Телевизор купила Марина в подарок матери на день рождения. Он имеет большой плоский плазменный экран и бесплатно показывает кучу каналов. С тех самых пор матушка и стала телеманьяком, а чтобы безотрывно следить за событиями в телевизоре, уже сама прикупила на кухню маленький подвесной зомбо-ящичек. Этот малыш болтается под потолком и тоже непрерывно чего-то вещает.

– Мамуль, – первое время Марина честно пыталась побороть телевизор, – ну, нельзя же доверять всему, что тебе говорят из ящика! Бабушка рассказывала, что раньше при Советах в телевизоре постоянно вещали про успехи, высокие надои и победу в битве за урожай! – Марина и сама видела

счастливые усталые лица комбайнеров в программах «Новости дня», которые для смеха установил Этери на видеомангитофон её приятель. – И при этом страна закупала зерно в Канаде, постоянно забывая об этом сообщить советскому народу. Потом тебе лично из телевизора пудрили мозги про Леню Голубкова, который купил жене сапоги с помощью «МММ», и, как там его – «Мы сидим, а денежки идут»? Вспомнила «Хопер инвест»! И что в результате? Сколько ты Мавроди денег отнесла? И опять снова-здорово! Совершенно не сомневаешься в той лапше, что тебе на уши вешают!

На все эти речи матушка только махала рукой, обзывала Марину пятой колонной и делала телевизор громче. В результате уже и Марина махнула рукой на всё это, поняв, что телевизор непобедим.

– Господи! Сколько ж можно, – опять застонала матушка, подкладывая Марине в раковину сковородки. – Ведь не протолкнуться же! И когда только твои олигархи тебе апартамент выделяют.

– Думаю, что никогда, меня ведь и тут всё устраивает, – ответила Марина. – В тесноте да не в обиде!

– Что тебя устраивает, а? Хрущоба наша тебя устраивает?!

– Это ты тете Зине расскажи, что тебя твоя хрущоба не устраивает.

Матушкина сестра Зинаида до сих пор жила в центре города, в коммуналке без горячей воды и ванной комнаты. Коммуналка была большая, старая и обшарпанная, так что

никакой надежды на расселение не было. Все, кто пытался это осиное гнездо расселить, натыкались на непомерные требования жильцов. Обитатели коммунальной квартиры, все как один желали отдельные квартиры со всеми удобствами и непременно там же, в центре. В результате так и остались «старухи» при своих разбитых корытах.

Зинаида раз в месяц приезжала к сестре в гости и часа два стояла под горячим душем.

– Счастливые вы, девки, – говорила она, выходя из ванной комнаты и усаживаясь на кухне пить чай.

– Зинаиду вспомнила! У Зинаиды, небось, дочка-то поумнее некоторых, за америкоса замуж вышла! Зинка давеча фотки показывала у ней в телефоне. В отдельном доме живут, аж с двумя ваннами.

– Вот проклятые америкосы! Умеют же устраиваться! Вот что значит чёрный президент, – рассмеялась Марина, – целых две ванны, это ж надо!

– Ага! Вот заберут Зинаиду к себе, и будет она там по очереди в двух ваннах намываться. Про нашу хрущобу вспоминать и поплевывать.

– Не заберут.

– С чего бы это не забрать?

– А у них там не принято с родаками жить. Зачем, спрашивается, мужику, у которого дом с двумя ваннами, иметь в этом доме тещу? У них принято, чтобы у тещи у самой дом был не меньше. Чтоб никакого беспокойства от этой тещи не

было, кроме большого наследства.

– А если у тещи нет ничего? Одно сплошное беспокойство?

– Тогда в дом престарелых.

– Ну, и ладно! У них и дома престарелых со всеми удобствами, уж получше Зинкиной коммуналки точно. Выходит, и ты меня в дом престарелых сбагришь?

– Конечно! Если ты не прекратишь меня агитировать за муж за иностранца.

Так и знай!

– Ах ты ж ведьма неблагодарная!

– Ага! – Марина закончила с посудой, поглядела на свои ногти и осталась довольна. Специальный лак хорошо защищал ногти от воздействия воды и моющих средств. Не зря деньги потратила. Марина уже давно поняла, что хорошие вещи, к сожалению, обычно стоят дорого, зато и доставляют радость. Не зря говорят, что скупой платит дважды.

Поцеловав мать в нахмуренный лоб, Марина отправилась к себе в комнату готовиться к завтрашнему рабочему дню. День предстоял тяжелый и ответственный. Марина работала в аудиторском подразделении консультационной юридической компании «Михайлова и партнеры». Первый год ей пришлось отработать стажировку рядовым секретарем, прежде чем её взяли в аудиторский отдел к Любове Владимировне Тарасовой, или Любаше, как её называли за глаза сотрудники компании. К Любаше мечтали попасть все ста-

жеры. У нее в отделе всегда были самые жирные клиенты и, соответственно, самые жирные бонусы. Сотрудников своего отдела Любаша называла «крошками», несмотря на то, что некоторым «крошкам» было за пятьдесят, а некоторые носили усы и бороды. В первое время Марина была на подхвате у кого-нибудь из этих «крошек», потом ей стали поручать самостоятельные, но очень небольшие, прямо скажем, крохотулечные объекты. О том, чтобы поработать в паре с самой Любашей, Марина даже и не мечтала. И вот вчера, когда большая часть «крошек» Тарасовой находилась на выезде, а часть свалилась в борьбе с очередным осенним питерским вирусом, в отдел заглянула его начальница Любаша. Оглядев пустующие столы, она уперлась взглядом в Марину.

– Марина... – Любаша ткнула в сторону Марины пальцем и задумалась.

– Михайловна, – подсказала Марина начальнице. В их компании принято было называть сотрудников по имени отчеству.

– Вот именно, Марина Михайловна. И как это я запомнила? – Любаша покачала головой. – Завтра идёте со мной.

– Куда? – от неожиданности ляпнула Марина.

– На дело, разумеется, куда ж еще? – Любаша прилепила к монитору Марины бумажку с адресом. – Вот адрес. Встречаемся на месте в десять ноль-ноль. Возьмите с собой ноутбук, паспорт и голову.

Любаша направилась к дверям.

– А как контора-то называется? – вслед ей поинтересовалась Марина.

– «Эпсилон», – сообщила Любаша, не оборачиваясь.

И вот помыв посуду, загрузив в стиральную машину нижнее бельё и колготки, установив таймер, чтобы стирка началась в экономные ночные часы, приготовив на завтра костюм и блузку, Марина открыла тот самый казенный ноутбук, прихваченный с работы, и залезла во всемирную паутину с вопросом про то, кто есть ху этот «Эпсилон». Паутина сообщила Марине, что эпсилон – пятая буква греческого алфавита или пятая по яркости звезда в любом созвездии. Этих данных явно не хватало для определения той деятельности, которая предстояла Марине назавтра. Дальнейшие поиски показали, что даже существует некий культ этого эпсилона, нечто вроде пародии на саентологию. Это тоже вряд ли могло быть как-то связано с аудиторскими проверками. Далее интернет вывалил на Марину целую кучу питерских предприятий с таким замечательным названием. Адрес ни одной из них не совпадал с тем, который Марине дала начальница. Марина расстроилась. Ей совершенно не хотелось выглядеть в глазах Любашаи этакой дурочкой-снегурочкой, не имеющей представления о сути предстоящей работы. Немного подумав, Марина набрала в поисковике адрес, выданный Любашей. И тут-то обнаружилось, что по данному адресу располагается некая группа компаний «Галактика», у которой имеется и собственный сайт. Сайт показал Марине,

что данное предприятие является весьма солидным, а именно: крупнейшем в городе владельцем коммерческой недвижимости. Группа компаний «Галактика» владела торговыми и бизнес-центрами, арендаторами в которых были не только известные в Питере торговые сети, но и серьёзные зарубежные и отечественные компании. Кроме того, «Галактика» еще занималась строительством этих самых центров. Да уж! Такой клиент обещал быть не просто жирным, а на жирнейшим, соответственно, Марине тут светили не менее жирные бонусы. Разумеется, такую большую компанию вряд ли они смогут осилить вдвоем с Любашей, и на подмогу им, скорее всего, будут мобилизованы все свободные и несвободные Любашины «крошки», но первый кто посещает с начальством нового клиента всегда имеет определенную фору. Оставался вопрос – что же такое «Эпсилон»? Или Любаша специально задурила Марине голову, решив проверить на сообразительность? Хотя в группе компаний «Галактика» вполне возможно наличие целого созвездия мелких компаний, среди которых пятой по яркости звездой может оказаться компания «Эпсилон».

Наутро ровно без десяти десять Марина с трудом открыла стеклянную дверь офиса группы компаний «Галактика». Разглядывать само здание Марина не стала, вернее не смогла, так как на улице, как обычно в это время года буйствовала питерская стихия. В сопровождении мелкого, колючего дождя с Балтики дул ледяной ветер. Он норовил, если

не унести прохожих в Неву, то наверняка хотя бы содрать с них одежду. Использовать зонтик в такой ситуации было совершенно бессмысленно. Зонтики не выдерживали напора непогоды и ломались, как спички. Да, что там зонтики! От ветра в городе регулярно сгибались дорожные знаки, улетали рекламные вывески и падали деревья. Именно для такой погоды у Марины имелась непромокаемая скромная стёганка с капюшоном, которая застегивалась на молнию, а капюшон можно было подтянуть плотно к лицу специальной веревочкой. Ясное дело, в таком одеянии никакая прическа сохраниться просто не имела возможности. Тем не менее Марина с утра тщательно уложила волосы. И ввалившись в шикарный холл «Галактики» первым делом скинула капюшон и кинулась к зеркалу. На голове образовалось нечто типа вороньего гнезда, но это было даже мило. Марина тряхнула головой и посмотрела по сторонам. Всё, что она увидела, свидетельствовало о достатке. Можно сказать, обстановка просто вопиюще пахла большими деньгами. И светлые кожаные диваны, и мраморные полы, и картины на стенах. Проход из холла перекрывала будка охраны и турникет. Из-за стекла будки за Мариной внимательно наблюдал охранник. Марина кивнула ему, как старому знакомому, и принялась сверлить взглядом входную дверь и виднеющуюся за ней пустынную улицу. От мысли, что она ошиблась адресом, ведь никакого «Эпсилона» тут и в помине не значилось, Марину сначала кинуло в жар, потом в холод. Она пристроила портфель с но-

утбуком на ближайший диван и достала из сумки бумажку с адресом. На всякий случай решила проверить у охранника, всё равно тому нечего делать. Марина подошла к турникету.

– Здрасьте, – сказала она охраннику и продиктовала тому адрес, написанный на бумажке, – это ведь здесь?

– Здрасьте – вежливо ответил охранник, – да, это здесь.

Марина облегченно вздохнула.

– Я начальницу жду. Должна к десяти подойти, – сообщила она охраннику.

– Да, ради бога.

Марина отошла от охранника и заняла прежнюю позицию у дверей. Наконец, откуда-то из мелкого дождя вдруг материализовалась Любаша. Она шла, защищаясь от ветра хлипким зонтиком. Одета она была явно не по погоде: элегантное кашемировое пальто тёмно синего цвета с укороченными по моде рукавами и такого же цвета высокие замшевые сапоги без каблуков. На локте у неё болталась вместительная сумка фирмы «Шанель», зонтик она сжимала обеими руками в элегантных длинных перчатках и держала его перед собой напоподобие двуручного меча. Зонтик трепыхался на ветру и периодически норовил вывернуться наизнанку. Марина кинулась к двери и открыла её, пропуская начальницу внутрь. Часы в холле показывали десять часов, ноль-ноль минут. Сотрудники «Михайловой и партнеров» никогда не опаздывали.

– Ненавижу! – Любаша топнула ногой и махнула зонти-

ком, с которого во все стороны полетела вода. – Как люди живут и работают в центре? Машину поставить негде!

Из рассказов коллег Марина знала, что Любаша проживает за городом в огромном собственном доме с гаражом и прочими атрибутами богатой жизни.

– Здравствуйте, Любовь Владимировна! – поздоровалась Марина и отобрала у начальницы зонтик. Она раскрыла его и пристроила рядом с диваном, на котором уже размещался её портфель с ноутбуком.

– Ой, прошу прощения, Марина Михайловна! Конечно, здравствуйте! А есть тут зеркало? Ага! Вижу.

И в точности как Марина десятью минутами ранее, Любаша кинулась к зеркалу. Её прическа тоже оказалась слегка подпорченной.

– Вот черт! – Любаша дунула на прилипшую ко лбу чёлку, видимо, дождик всё-таки прорвался в обход зонта и сделал свое чёрное дело.

Любаша принялась копаться в своей необъятной сумке. Наконец, она выудила оттуда замысловатую заколку и заколола ею чёлку.

– Ну как? – поинтересовалась она у Марины.

– Как тут и было. – Марина одобрительно кивнула головой.

Любаша победно улыбнулась, достала телефон и нажала на кнопку.

– Сергей Сергеевич, мы пришли, – сообщила она в труб-

ку. – Внизу в холле. Угу, – Любаша кивнула и нажала отбой. – Сейчас за нами придут, – сказала она Марине.

Ожидая гонца, они обе принялись рассматривать замысловатые картины на стенах холла.

– Марина Михайловна, как вы относитесь к абстрактной живописи? – поинтересовалась Любаша.

– Никак, – Марина пожала плечами. – В ней нет логики. Наверное поэтому я никаких ощущений не испытываю, а вот логика у меня вызывает восхищение.

Любаша усмехнулась и посмотрела на Марину, в глазах её промелькнул интерес.

– Пожалуй, тут я с вами полностью согласна! Я тоже поклонница логики и особенно недолюбливаю нелогичных людей. Вернее, нелогичные поступки.

– А я вот думаю, что дурак от умного отличается именно отсутствием логики.

– Согласна, но никогда не следует путать недоинформированного человека с дураком.

– Ну, да! – Марина вспомнила родную матушку. – Или человека, которому промыли мозги пропагандой.

– Вот именно! Нет ничего более нелогичного, чем пропаганда.

Такую интересную беседу прервала ослепительной красоты девушка, вышедшая в холл к Марине и Любаше.

– Здравствуйте! Вы «Михайлова и партнеры»? – поинтересовалась она.

– Здравствуйте, да, это мы, – сообщила Любаша.

– Тогда я за вами. – Девушка приветливо улыбнулась, и Марина совершенно против своего желания, как-то автоматически посмотрела в зеркало. Рядом с этой девушкой вполне себе симпатичная Марина в непромокаемой стеганке смотрелась замарашкой, и только Любаша как-то уравновешивала положение и то исключительно за счет своей элегантности и дорогого гардероба.

Марина с Любашей собрали свои вещи и последовали через турникет за красоткой. Лифт тоже оказался увешан зеркалами, в которые Марина старалась не смотреть, чтобы не расстраиваться. Особенно её удручала практичная стёганка. На фоне пальто начальницы она выглядела словно ватник разнорабочего.

Красотка привела их в приемную не менее шикарную, чем холл. Она забрала Любашино пальто и стеганку Марины и повесила их на плечики в шкаф. Затем она открыла массивную дверь кабинета и пригласила пройти к руководству. Кабинет также вопиюще пах деньгами как всё в этом здании. В этом кабинете вполне себе можно было бы кататься на велосипеде или роликах, а позади стола хозяина кабинета располагалась стеклянная стена, из которой открывался впечатляющий вид на Неву и царящее над ней природное безобразие. Из-за стола навстречу входящим поднялся мужчина неопишуемой красоты. Марина и Любаша непроизвольно переглянулись. Вот это номер! Ну, ладно секретарша вылитая «мисс

Вселенная», так и еще и босс такой, что хоть сейчас в Голливуд замещать Пирса Броснана. А когда от созерцания бушующей непогоды отвлекся еще один господин, которого Марина поначалу и не заметила, так как он стоял у стеклянной стены и серым своим костюмом как-то сливался с заоконной серостью, Марине и вовсе стало казаться, что она спит и видит во сне сказку про прекрасных принцев. Второй дядька оказался тоже красавчиком, не хуже босса, но уже блондином. Босс улыбнулся голливудской улыбкой и пригласил гостей присаживаться, махнув рукой в сторону уютных диванов в другом конце кабинета.

– Там как-то потеплее, – сообщил он. – А то от этого вида, – хозяин кабинета кивнул в сторону окна, – у меня, честно говоря, мороз по коже.

Расселись, представились, пожали друг другу руки и обменялись визитками. Марина от волнения сразу же забыла, как кого зовут и пыталась косить глазами в сторону лежащих перед ней визиток. Она уяснила только, что блондин – начальник службы безопасности группы компаний «Галактика». А тут еще эта ослепительная секретарша с вопросами про чай и кофе. Марина хотела поскромничать и отказаться, но раз Любаша запросила себе кофе, то решила соответствовать начальнице, не стесняться и потребовать чаю. После пробежки под колючим дождем не мешало бы и согреться. Однако секретарша не унималась и стала допрашивать Марину, какой чай подавать, черный или зеленый?

– Черный, с лимоном и без сахара, – определилась Марина.

– Хороший выбор, – поддержал её босс, – и мне тоже чёрный и с лимоном, но сахарку побольше.

– Я знаю, – секретарша мило улыбнулась и, наконец, удалилась.

– Как добрались? – любезно поинтересовался блондин.

– Безобразно! – сообщила Любаша. – Я десять минут искала место для парковки, припарковалась черти где, а потом вышагивала оттуда под дождем и ветром.

– А вы? – задал вопрос блондин, обращаясь к Марине.

– А я вышагивала под дождем и ветром прямо от метро! – доложила Марина. – Автомобиль у меня пока в проекте.

Блондин усмехнулся.

– Тогда дайте номер только вашего. – Он ласково посмотрел на Любашу и протянул ей бумажку для записи и ручку. – Мы сделаем вам пропуск на нашу парковку. Там рядом со входом в офис железные ворота. Подъедете завтра, скажете «Сезам откройся», и вуаля! Крытая парковка, никакого дождя, ветра и снега. А главное никакого вреда причесе.

– Спасибо, вот это очень кстати. – Любаша потрогала свою заколку и написала на бумажке номер.

– Еще марку автомобиля, пожалуйста.

Любаша добавила «Тойота».

Блондин удовлетворенно кивнул.

– Как уважающие себя нефтяники наверняка предпочи-

таете двухсотый? – поинтересовался он, убирая бумажку во внутренний карман.

– Нет, я на девчонском паркетнике, предпочитаю не высовываться, – пояснила Любаша.

– Похвально, – одобрительно заметил блондин.

– Тогда к делу, – сказал босс. – Надеюсь, вы в курсе, что все сведения, которые вы получите в процессе работы на нашу компанию, являются абсолютно конфиденциальными?

– Разумеется, иначе, зачем бы вы обратились в «Михайлову и партнеры»? У нас утечек не бывает, – гордо заметила Любаша, правда потом, спохватившись, поплевала через левое плечо.

– Хорошо. У нашей компании два учредителя. Они люди богатые, известные в определенных кругах и вплотную делами не занимаются. Только в крайних случаях, когда требуется особая поддержка.

– Для задействования административный ресурса. – Понимающе кивнула Любаша.

– Именно, – согласился босс. – Оперативным управлением занимаюсь я, являясь ставленником одного из учредителей, а вот финансовым блоком руководит ставленник..., – босс странным образом замялся, – так сказать, того самого административного ресурса.

– А вы, если я правильно понимаю, – вставила Любаша, обращаясь к блондину, – являетесь ставленником другого учредителя?

– Примерно так. – Блондин закинул ногу на ногу.

– Так вот, – продолжил босс. – Я работаю в компании не так уж и долго, всего три года и за это время с работой финансистов вплотную не сталкивался. Работают люди, и работают. Тем более что люди рекомендованные, не с улицы. Разумеется, кое-какие отклонения от той нормы, в которой я привык работать, я сразу же обнаружил. Например, никак не могу от них добиться внятного бюджета движения денежных средств и бюджета доходов и расходов.

– А как же тогда определяется общая прибыль группы компаний? – удивилась Любаша.

Босс развел руками.

– Финансовый директор просто называет цифру.

Брови Любаша очень выразительно поползли в сторону её замысловатой заколки, а глаза расширились до невероятных размеров. Даже Марина чуть не подавилась чаем.

– Это полностью устраивает учредителей, мне недвусмысленно посоветовали в финансы не лезть, поэтому я особо-то и не настаивал на соблюдении соответствующих правил, – тем временем продолжал босс. При этом он как-то скукожился и постарел. – Однако пару недель назад у нас закончилась налоговая проверка одного из наших предприятий...

– Документалка? – уточнила Любаша.

– Угу, – босс кивнул, – и эта проверка вскрыла серьезные пробелы в ведении бухгалтерского учета.

– Сначала-то мы даже и не поняли, – встрял с коммента-

риями блондин. – Финансисты нам объяснили, что обычное дело – налоговая наезжает, а мы отбиваемся.

– Совершенно верно! – подтвердил босс. – Но там стоял вопрос о приличной взятке налоговикам, и я попросил акт проверки. Соответственно директор проверяемого предприятия его уже подписал, так что оспаривать что-то было поздно, но для общего развития мне не помешало бы быть в курсе.

– Разумеется, – заметила Любаша. – И почему вы вообще оправдываетесь?!

– Это так заметно? – смутился босс.

– Ага, – Любаша кивнула. – Я понимаю, особые условия вашей работы, интересы собственников, но деньги – это святое. Вы имеете полное право знать, что происходит во введенном вам предприятии.

– Говно происходит, – опять вставил свое слово блондин. – Извиняюсь.

– Не извиняйтесь, – махнула рукой Любаша, – ваше выражение, как я погляжу, совершенно справедливо! И что акт?

– Мрак! Там столько замечаний! И штрафы соответствующие. В итоге мы посоветовались, – босс переглянулся с блондином, – и поставили вопрос перед учредителями. Они долго думали, в результате чего мы получили добро на полную аудиторскую проверку финансового блока всей группы компаний.

– Это Анна! – представил новую гостью лучший друг Комарова Венька Фёдоров.

Венька праздновал юбилей. 25 лет – это вам не фигли-мигли. Тем более что Венькины родители по такому поводу не поскупились и сделали единственному и бесценному сыну роскошный подарок: удивительных размеров однушку в центре города. Эту квартиру конечно можно было бы назвать студией, если б не её размеры. Подарок непременно следовало обмыть, поэтому юбилей свой Венька отмечал не в клубе, а дома, пригласив на свои гигантские площади всех знакомых и малознакомых товарищей. Еду заказал по-модному в ресторане, вернее не совсем в ресторане, а в близлежащей пиццерии. Что оказалось весьма благоразумно, так как пицца мало того, что сытная, так её еще можно есть прямо руками из одноразовых тарелок. Вино и прочие напитки пили из одноразовых пластиковых стаканчиков. Для девушек Венька закупил какую-то сладкую лабуду, типа Мартини и экзотических липких ликеров, мужики же пили всё, что принесли сами, то есть всё подряд. Соответственно дым стоял коромыслом. Народ сидел, где придется, или же стоял, привалившись к стенкам. Первая фаза празднования в виде поглощения пиццы уже благополучно закончилась, вторая фаза в виде танцев и безумного веселья уже тоже подошла к

концу, и праздник постепенно перевалился в третью фазу, а именно философствования и размышления о смысле жизни. Комаров откровенно скучал и подумывал, как бы свалить, не обидев именинника и вот, пожалуйста вам – Анна!

Она была похожа на египетскую царицу Нефертити. Во всяком случае, если не на саму Нефертити, то на расхожие изображения этой древней красавицы, точно. Тонкие черты лица, точеный нос, невероятно красоты шея и какая-то царственная осанка. Только вместо непонятого колпака, в котором обычно изображают Нефертити, голову Анны венчала грива вьющихся тёмных волос, забранная в замысловатую сеточку с блестящими камушками. С этой сеточкой прическа Анны чем-то напоминала прически греческих богинь. Одета Анна была в длинное платье свободного покроя и удобные туфли без каблука. Это сильно отличало её от всех знакомых девушек Комарова. Девчонки, все как одна, ходили в обтягивающих, практически резиновых штанах и в туфлях на огромных каблуках. Каблуки были такие высоченные, что их обладательницам из-за этого приходилось ходить на полусогнутых ногах. Представить в таком вот виде царицу Нефертити...

– О! Анечка, проходите! – радостно завопил кто-то из гостей мужского пола.

– Я Анна, – строго поправила его вновь прибывшая и огляделась в поисках места, чтобы присесть. Взгляд её выражал полное недоумение. Тут же несколько ребят вскочили,

уступая свои места. Анна выбрала самое удобное у окна и не спеша расположилась.

– Вот и стерва пожаловала собственной персоной, – услышал Комаров шипенье кого-то из девчонок. Конечно девушки завидуют! Как не завидовать такой красотище?

Он направился на кухню, достал из упаковки новую тарелку, загрузил в неё кусок пиццы, налил в пластиковую рюмку какого-то ликера и принес всё это Анне. Она поблагодарила, взяла тарелку и поставила её рядом с собой на подоконник. К еде она так и не притронулась, только пила ликер небольшими глоточками. С её приходом философская беседа как-то расстроилась, и Венькины гости стали постепенно расплзаться по домам. Комаров уходить категорически не хотел, он как кролик на удава глядел на эту Анну и не мог отвести взгляда. Наконец она отставила рюмку на подоконник и встала:

– Мне пора, – сообщила она оставшимся гостям. – Вениамин, спасибо за интересный вечер.

– Я вас провожу – вскинулся Комаров.

Анна пожала плечами и направилась к выходу. Комаров решил, что это означает согласие, и последовал за ней. Следом послышалось девчачье фырканье.

Далее в течение трех месяцев он ухаживал за Анной, а она благосклонно эти ухаживания принимала. Именно ухаживал, как было положено в старорежимные времена. Водил её в кино и театры, дарил цветы. Они вместе ходили в гости к

его друзьям, посещали рестораны и боулинг, но о том, чтобы переспать не было даже речи. Это было странно. У Комарова имелся кое-какой опыт общения с девушками, и этот опыт подсказывал, что уж если не на следующий день, то дня через три или через неделю, девушка обязательно оказывалась у него в постели. А тут-то даже поцеловать её было как-то страшно. Нет, страшно и боязно – не те слова. Он относился к Анне, как к произведению искусства. А кто ж целуется с произведениями искусства?

Через три месяца таких вот ухаживаний Анна пригласила его домой и познакомила с мамой. Мама встретила Комарова с распростертыми объятиями. Накормила так, что он еле смог выбраться потом из-за стола. В процессе угощения она постоянно расспрашивала его о работе, родителях и материальном положении, а так же рассказывала об Анне, о её успехах в учебе и карьерных перспективах. Готовила мама Анны чрезвычайно вкусно, почти так же, как и его собственная мама. Правда, его собственная мама следила за своей фигурой, поэтому особые разносолы устраивались у них в семье только по праздникам.

Ответное приглашение Анны к себе домой Комаров организовал в следующую субботу, предусмотрительно предупредив родителей, что его новая девушка не Аня, не Анечка, не Анюта и тем более не Нюра. Она Анна!

Мама, разумеется, расстаралась по части кулинарии, однако особого радушия после знакомства с Анной в своей се-

мье Комаров почему-то не почувствовал. Мама и отчим как-то подозрительно поглядывали на Анну и задавали ей каверзные вопросы. Когда он проводил её домой и вернулся, мама спросила:

– Сынок, ну и зачем тебе это чудо?

– И правда ведь чудо! – восторженно отозвался Комаров.

– Сереж, – мама как-то очень тяжело вздохнула и посмотрела на сына, как на больного, – она же ленивая и надменная.

– Неправда! С чего ты взяла про ленивую? У нее на лбу этого не написано. И никакая она не надменная, просто у нее развито чувство собственного достоинства.

– Чрезмерно развито. – Мама нахмурилась.

– Ишь ты! Анна! Ядрена кочерыжка, – добавил отчим и плюнул.

Комаров почувствовал, как у него откуда-то изнутри организма поднимается странная ярость.

– Ты желваками-то не шуруй! – Мама чмокнула его в щеку, хоть он и постарался увернуться. – Кто тебе еще правду-то скажет, как не мы?

Вот в этом Сергей Комаров как раз и не сомневался. «Мама зря не скажет» – это точно про него и его маму. Зацепит словами за душу, и будут эти слова потом сверлить его мозг и ковырять сердце. Ровно до тех пор будут, пока он сам не признает, что мамочка была права. И вот опять!

– Вот Ленка, например, из сто двадцатой квартиры, чем тебе не нравится? Давно по тебе сохнет, – тем временем мама

продолжила гнуть свою линию.

– Ага! Так сохнет, что аж вся высохла. Костями гремит на всю округу, – ухмыльнулся Комаров, вспомнив, как они с Ленкой целовались на выпускном вечере, когда все уже перепились, и молодые растущие организмы срочно затребовали секса. До секса у них, правда, так и не дошло, видимо оттого, что Комаров знал Ленку практически с горшка и всерьез совершенно не воспринимал.

– Чтоб ты понимал?! – встрял отчим. – Ленка – девушка удивительной красоты. Вот погоди, её еще в кино снимать будут.

– Конечно, твоя гладкая Анна Ленке не чета! Неужели не видно, что она склонна к полноте? – добавила мама, как бы забивая очередной гвоздь сомнения в голову сына. – И в кого ты у меня такой Рубенс получился?!

– Не в меня точно. – Отчим обнял маму за плечи. – Мне нравятся женщины стройные, вот как моя жена и твоя мать! Ну, и как Ленка из сто двадцатой квартиры.

– Я тебе покажу Ленку! – мама поднесла к носу отчима кулак. Он тут же его чмокнул и сказал:

– Ленка ваша мне нравится исключительно с эстетической точки зрения, как выдающееся природное явление, ничего личного. И если бы у нее, Сереж, как ты говоришь, было бы так же развито чувство собственного достоинства как у твоей Анны, она представлялась бы не иначе, как Елена Прекрасная.

Комаров фыркнул, пожал плечами и скрылся в своей комнате. Тоже мне нашел выдающееся природное явление. С Ленкой-то Комаров целовался запросто, а вот Анна ...

На следующий день он сделал Анне предложение, и с тех пор вот уже двадцать с лишним лет в его голове постоянно вертится мысль, что мама всё-таки была права.

Он собрал со стола бумаги, убрал их в ящик и закрыл на ключ, выключил компьютер, достал съёмный диск и сунул его в портфель, вышел из кабинета и попрощался с секретаршей. Внизу его ждал водитель, чтобы везти в тренажерный зал. Три раза в неделю Сергей Сергеевич Комаров занимался с персональным тренером и посему к сорока пяти годам находился в прекрасной физической форме.

Дома, открыв дверь квартиры своим ключом, он с огорчением вспомнил, что сегодня пятница, а значит, вся семья непременно торчит в гостиной перед телевизором, болея за участников шоу «Голос». И действительно, в гостиной его глазам предстала картина: на диване рядом сидели теща, жена и дочка. Все три походили на упитанных гусениц. И если габариты первых двух Комарова уже ни капли не волновали, то размеры любимой дочери вызывали в его душе не только страдание и возмущение, но и страх за её дальнейшую судьбу.

– Есть будешь? – не отрываясь от телевизора, поинтересовалась жена. Разумеется, она спросила это для проформы, так как прекрасно знала, что Комаров никогда не ужинает.

Он вообще старался дома не питаться. Завтракал обезжиренным творогом, который покупал себе сам на всю неделю, и пил кофе, обедал он у себя в офисе, где ему отдельно готовила офисная повариха. Обычно это был кусок печеной рыбы, курицы или говядины с салатом. Ужин Комаров пропускал или в баре фитнес-клуба съедал что-нибудь лёгкое, полезное для здоровья.

Сергей Сергеевич Комаров отнюдь не был самовлюбленным приверженцем здорового образа жизни. Просто его организм настоятельно требовал именно такого поведения своего владельца, устраивая Комарову самый настоящий бунт, стоило тому только съесть чего-нибудь вкусенького, а значит особенно вредного. На режим здорового питания Комаров вынужден был перейти после пяти лет совместного проживания с Анной и её матерью, когда доктор-гастроэнтеролог строго посмотрела на него поверх очков и спросила:

– Молодой человек, вы хотите дожить до сорока?

– Всё так плохо? – испугался Комаров.

К гастроэнтерологу его срочным порядком загнала мама, после того, как он, наконец, решился пожаловаться ей на опоясывающие боли и регулярные неприятности в туалете.

– Пока нет, но обязательно будет, – заверила его врач, рассматривая результаты обследования. – У вас холестерин зашкаливает, кровь свидетельствует о воспалении печени, желчный камнями забит, про поджелудочную и не говорю, очень она мне не нравится. Выглядит совершенно изнасило-

ванной. Гастрит у вас уже в полный рост. Хронический панкреатит под вопросом, причем под очень маленьким вопросом. Печень, опять же, увеличена. Впереди у вас диабет, гипертония и язва двенадцатиперстной. А то и чего-нибудь похуже типа цирроза печени. Я уж не говорю про ваше брюшко и избыточный вес. Пьёте?

– Нет, что вы! – Комаров замотал головой. – Ну, если только по праздникам, как все.

– Смотря, какие все? Некоторые и по праздникам до белой горячки допиваются.

– Это не про меня, – Комаров даже обиделся.

– Ну, тогда, наверное, регулярно что-то жирное едите. Не иначе как майонез тоннами употребляете? Масло сливочное в жареном виде? Свинину жирную. Как в песне поется «шашлычок под коньячок»?

– Тёща кормит.

– Тёща случайно не «жэбээл»?

– Кто? – не понял Комаров, но почему-то испугался.

– Житель блокадного Ленинграда, сокращенно ЖБЛ.

– Это да, – Комаров кивнул, – она этот «жэбээл», блокадница.

– Тогда понятно. У жителей блокадного Ленинграда с возрастом и ростом благосостояния на столе всегда присутствуют блюда с майонезом и сливочным маслом. Колбасы и рыбы копченые, сдобные пироги и пирожные с кремом. Причем всё это в огромных количествах. И тут их осуждать никак

нельзя.

– Нельзя, – согласился Комаров. – А что делать?

– Не есть! Вернее, не жрать! Ничего жирного и жареного. И теще запретить. Они, конечно, блокадники, удивительно живучие. Есть теория, что пережитый в детстве голодный стресс, закалил организм невероятным образом, поэтому его никакая жирная и вредная пища не берет. Но это теория, а диабет и другие болезни наших потрохов еще никто не отменял. Ну, и с хлебо-булочными я бы вам посоветовала себя ограничить. Излишний вес – это не просто некрасиво, это в первую очередь нездорово. Тем более с вашим желчным сдобная выпечка, свежий хлеб, особенно ржаной, категорически противопоказаны. Вот, возьмите памятку. Это разрешенные продукты. Диета ваша называется «Стол номер пять». И с этого стола, голубчик, ни ногой!

После визита к гастроэнтерологу Комаров долго пытался убедить тещу перейти на этот самый «стол номер пять», но это ему не удалось, а так как готовила еду в доме именно она, то он нашел единственный выход из создавшегося положения – дома не есть. Сначала, правда, он пытался еще убедить и Анну сесть вместе с ним на диету, но Анна никогда и ни в чем себе не отказывала. Она тарачила свои и без того огромные глаза и удивленно спрашивала:

– Как это можно не есть хлеб?! Какие глупости! И если я вдруг захочу есть, то почему я должна себя насиловать?

– Если захочешь есть, то можно съесть что-нибудь полез-

ное, морковку, например!

– Да не хочу я есть морковку, не люблю я её. Я ж не кролик какой-нибудь. И потом это ты больной, вот и сиди на своей диете, а лучше пей лекарства. Болезни лечат лекарствами, а не диетой.

– Это ты пока здоровая, просто ты моложе меня, а лет через пяток тоже заболеешь.

– Вот тогда и буду есть лекарства!

– Ага, и весить центнер. От большого живота и толстой задницы лекарства пока не придумали.

– Тебе не нравится моя задница?!?!

– Ну, не совсем, еще бы талию вернуть на место.

– Я просто пухлая, у меня конституция такая.

В результате Комаров плюнул, прекратил все попытки привлечь жену к здоровому образу жизни и стал отстраненно наблюдать, как Анна расползается в стороны. М-да! Не зря в народе говорят, если хочешь знать, как будет выглядеть твоя жена с возрастом, посмотри на её мать. Тёща Комарова при их знакомстве уже смахивала на упитанную гусеницу. Теперь и Анна перестала походить на Нефертити, превращаясь в такую же гусеницу, как её собственная мать. Интересно, как выглядела Нефертити в сорок лет? Может быть, в дверь не пролезала? Что-то тут не так. В природе обычно из гусениц получаются прекрасные бабочки, а не наоборот. Кроме того, отстраненно глядеть на то, как уродуют его дочь, запихивая в гусеницу с самого детства, у Комарова никак не

получалось, поэтому в семье периодически возникали скандалы. Со временем скандалы сошли на нет, в силу их бесперспективности. Однако Комаров не оставлял надежды достучаться до дочери. Слава богу, девочке уже двадцать, должна чего-то сообщать.

Комаров прошел мимо уставившейся в телевизор троицы в спальню, переоделся в гардеробной и направился к себе в кабинет. Путь лежал опять через гостиную. В телевизоре как назло объявили рекламную паузу, поэтому проскользнуть незаметно ему не удалось.

– Сереженька! Вот, скажи, – теща попыталась устроиться на диване поудобнее и перевалилась с боку на бок, – почему ты никогда с нами не посидишь, не расскажешь, как там у тебя дела на работе, не спросишь, как мы свой день провели? Приходишь поздно и утыкаешься в свой компьютер.

– Светлана Петровна, так я вам мешать не хочу, отвлекать вот, – Комаров махнул рукой в сторону телевизора. – Да и чего там у меня интересного на работе? Ни-че-го! Сплошная работа. А у вас, если чего случилось, вы и сами расскажете. У вас все в порядке?

– В порядке, Сереженька, спасибо. Вот только сердце чего-то опять расшалилось.

– Так давайте, доктора позовем. – Комаров понимал, что теща пожаловалась на здоровье просто так, для порядку, но всем своим видом продемонстрировал, что готов принять решительные меры.

– Не надо, Сереженька, не беспокойся. – Теща махнула рукой. – Я корвалольчика приму.

– Лера! – обратился Комаров к дочери. – Я хочу, чтобы ты завтра со мной на дачу поехала, мне там нужна твоя помощь.

– Сергей! – подала голос Анна, и не просто голос, а голос с металлом, – Я же просила! Нашу дочь зовут Валерия. Называя её Лерой, ты снижаешь ей самооценку!

Комаров моментально озверел, но постарался взять себя в руки.

– Настоящая «Валерия» не у нас тут на диване, – тоже слегка металлическим голосом, включив внутри себя начальника, произнес он, – а там в телевизоре! Однако дома, в семье близкие люди зовут её Лера, а то и вовсе Лерочка, и это никак не отражается на её самооценке. Не дури, пожалуйста, девочке мозги своими глупостями.

– Ну, паааап, мне на дачу неохота, – заканючила девочка.

– Это я прекрасно понимаю, но завтра суббота, занятий у тебя нет, будешь весь день «В контакте» контактиться, а так хоть воздухом подышишь. И интернет, кстати, на даче тоже есть.

Лера тяжело вздохнула.

– А почему ты меня никогда с собой на дачу не зовешь? – вдруг поинтересовалась Анна.

– А ты поедешь? – Комаров пожал плечами.

– Ну, ты же знаешь, как я устаю на работе! Куда мне еще на дачу? Я и так-то еле-еле за выходные в себя прихожу. –

Анна закатила глаза.

«Вот о чем меня мама в свое время не предупредила, так о том, что моя будущая жена не только ленива, но еще и весьма глуповата», – подумал Комаров.

– Конечно знаю, дорогая! – сказал он, открывая дверь кабинета. – Не понимаю только, почему ты еще не министр культуры. Отдыхай, отдыхай.

– Ох, Сереженька! – тёща погрозила Комарову пальцем.

Тёща Комарова в отличие от своей дочери была далеко не дуручка.

– Ну, бааа, хватит вам уже, начинается, – опять заняла Лера и сделала звук громче.

Комаров благополучно скрылся за дверью. Он уселся за стол, включил компьютер и погрузился в Фэйсбук. Там у него давно уже была своя весьма тесная и интересная компания. Когда-то они все познакомились на специальном сайте для ТОП-менеджеров, потом всем коллективом дружно переместились на Фэйсбук, потом кто-то отсеялся, а кто-то к их компании прибился. Например, «Женщина Кошка». Комаров всегда подозрительно относился к людям под псевдонимами и без фото на страничке, хотя сам числился в качестве Сергея Второго Кровососова и вместо своей фотографии разместил изображение комара. Комар выглядел кровожадно, имел поганую грязно-желтую расцветку и смотрел на мир красными глазами. В качестве профессии на странице было указано, что Кровососов важный директор. Все, кто об-

щался с ним давно, знали, что за комаром скрывается Сергей Сергеевич Комаров, а новеньким знать это было совершенно не обязательно. Никогда не знаешь, на кого нарвешься во всемирной паутине. Там ведь и подчиненные могут пастись, и недруги всяческие.

Дамочка, которую он прозвал Женщиной Кошкой, имела в качестве аватарки чёрную породистую кошку с оранжевыми глазами. Называлась дамочка Любой Котовой, видимо этим она давала понять, что является любительницей котов. В графе о профессиональной деятельности дамочки было указано, что она начальник отдела ассенизаторов.

Сегодня Женщина Кошка рассуждала в своем статусе о недавней премьере американского фильма «Марсианин».

«Представляете, – писала она, – никто никого не убивает, никто ни с кем не дерется, никакого секса и муси-пуси, а от экрана не оторваться. Мужиковатый мужик, играя мускулами, образно говоря, с помощью палки и веревки строит на Марсе супермаркет. Резюме: учитесь, детки! Получайте образование, становитесь инженерами, тогда и вы сможете выжить в Марсианской пустыне».

«Совершенно верно! – соглашался с Женщиной Кошкой давний приятель Комарова по интернету и не только по интернету, директор по развитию крупного Питерского завода Иван Перов. Он смело числился в фэйсбуке под своим собственным именем и со своей настоящей должностью, чем вызывал огромное уважение Комарова. – Профессия инже-

нера еще в советские годы перестала быть значимой. Инженеров выпускали пачками по сто голов на рубль. Зато сейчас хорошего инженера днем с огнем не сыщешь. Кругом одни менеджеры, юристы и экономисты. Чем руководить и что расценивать, если никто ничего производить не будет»?!

«Согласен, – вступил в беседу Комаров. – Со специалистами беда. Кстати и с менеджерами, юристами и экономистами тоже. Найти хорошего бухгалтера – большая проблема. Институты, которые теперь гордо именуются университетами, выпускают примитивных учетчиков. Никто не хочет думать».

«Зато все наши отечественные фильмы, – заметила Женщина Кошка, – либо про ментов, либо про бандитов, либо про олигархов, которые от тех и других убегают. Причем олигархи тоже не понятно, что производят. Просто живут красивой жизнью и являются отрицательными персонажами».

«Ага! И главное место действия – офис», – вставил Перов.

«Тебе повезло, ты не такой, как все, ты работаешь в офисе»! – процитировал Комаров.

«Девушки же занимаются исключительно тем, что стараются удачно выйти замуж, – добавила Женщина Кошка. – Всё за тех же: либо за мента, либо за бандита, либо за олигарха. И только в ситкомах, люди занимаются каким-то делом, думаю, потому что наши ситкомы скопированы с иностранных ситкомов, а там, у настоящих капиталистов как-то

неприлично не работать».

«А как же наши «Интерны? Там вроде про врачей», – поинтересовался Перов.

«Так это они типа пародию на «Доктора Хауса» сделали, только юмора добавили, – пояснила Женщина Кошка, – и поначалу тоже работали: лечили людей, ставили диагнозы, анализы собирали, а потом всё как-то сошло на нет. Занялись только своими личными взаимоотношениями и принялись плоско шутить. Вариант не совсем удачного «Комеди клуба» на фоне больничных стен».

«Я потрясен вашим кругозором, мадам Котова, – в беседу вдруг воткнулся некий свободно гуляющий фэйсбучный персонаж под именем Адам Кукиш, – и сериалы-то вы успеете посмотреть, и новинки кинематографа. В точности как моя жена. От телевизора не отодрать никакими силами. Особенно от шедевальной передачи «Давай поженимся». Но моя-то не работает, а вы вон еще и ассенизаторами своими командовать успеваете».

«А хороший руководитель, тем и отличается от плохого, что у него выстроена система, когда ассенизаторы работают, как часы, и вмешательство начальства необходимо только в крайних нештатных ситуациях», – пояснила Женщина Кошка.

«В организации бесперебойной работы можно еще использовать, так называемых, менеджеров среднего звена, – добавил Комаров, – главное их вовремя согнать с люстр, где

они обычно висят в рабочее время».

«Адам! – обратился к Кукишу Перов. – Похоже, вам исключительно нравится наша Люба Котова. Раз уж вы её со своей женой сравниваете. Так сказать, подсознательно или бессознательно. Не уверен, как правильно назвать, я не специалист в этой терминологии».

«Ну, так и помалкивайте, раз не специалист», – огрызнулся Кукиш из интернетного тумана.

«Вот и поговорили! – резюмировала Женщина Кошка. – Спать пора. До новых встреч, товарищи важные руководители. Адамушка, передавайте жене привет. Пламенный. Отключаюсь».

«Спокойной ночи», – Комаров тоже отключился от сети и зевнул. Он потянулся, с тоской поглядел на соблазнительный диванчик и поплелся в спальню. Анна уже дрыхла и тихонько похрапывала. Когда-то это казалось Комарову очень милым, теперь же этот тихий храп и запах жасмина от духов жены вызывали у него только раздражение. Он разделся и заполз под свое одеяло. Анна придерживалась мнения, что если уж супругам и приходится спать в одной кровати, то надо это делать непременно под разными одеялами. Может из-за этого, а может из-за чего-то другого, но секса у супругов Комаровых не было уже лет пять как минимум. И надо сказать, что Сергея Второго Кровососова это вполне себе устраивало.

Наутро, когда он проснулся, в доме пахло оладьями.

«Лерка кашеварит», – подумал он.

В последнее время теще уже стало тяжело обслу-
живать семью, и часть её забот взяла на себя Лера. Ну, не Anne
же домашним хозяйством заниматься! Она и без того уста-
ет, еле ноги с работы волочет. Анна работала искусствове-
дом в Русском музее. Комаров, разумеется, плохо понимал,
каким таким особо тяжелым трудом там может заниматься
искусствовед, который не водит экскурсии по залам, а сидит
где-то в музейных запасниках. Не мумии же они там с ме-
ста на место переносят?! Хотя, какие мумии в Русском му-
зее? Там в основном картины русских художников и скульп-
туры русских скульпторов. Не иначе, Анна с сотрудниками
эти скульптуры двигают. Или картины. Иди, попробуй како-
го-нибудь Айвазовского или Верещагина с места сдвинь. Од-
нако в последствие Комаров понял, что для его жены любой
труд является невыносимым. «Ах, мама, мама, как же ты бы-
ла права», – эта строчка из старой песни постоянно всплы-
вала у него в голове при взгляде на супругу.

Комаров принял душ, оделся и вышел на кухню.

– Пааап! Ну, съешь оладушек, у меня очень хорошо по-
лучились. – Лера замерла над его тарелкой с лопаткой, на
которой исходил волшебным ароматом маленький румяный
оладушек.

– Съем обязательно. – Комаров сглотнул слюну. – И не
один, а штук пять.

– Ура! – Лера плюхнула оладушек ему на тарелку. – Тебе

со сметаной или с вареньем?

– Мне с «таким», они у тебя и без того вкуснющие.

– Сереженька, – заметила тёща, – ты всё худеешь и худеешь! Никак в Голливуд готовишься в кино сниматься, там все актеры должны быть худющие, а то камера, говорят, полнит.

– Полнит не камера, Светлана Петровна, а ваша чрезвычайно вкусная еда. Но, к сожалению, она такая же вредная, как и вкусная. И чем вкусней, тем вредней.

– Придумал тоже, – фыркнула тёща. – Еда и вдруг вредная! Толстеют не от еды, а от болезней, от обмена веществ. Уж если человек так устроен, то куда ж деваться? Вон в Советское время мы всё подряд ели, и все были худые.

– Правильно, потому что в Советское время так, как мы едим каждый день, люди ели только по праздникам.

– Наверное, ты прав. – Теща задумалась. – Вот только в жизни так мало удовольствий, и еда одно из них. Зачем же себе в удовольствии-то отказывать?

– Ну, например, хотя бы для того, чтобы жить подольше.

– Да кому она такая жизнь нужна без удовольствий, хоть и длинная? Тьфу! Ну, что за каша у тебя в голове.

– У него, мама, в голове не каша, а обезжиренный творог, – язвительно объявила Анна. Перед ней на тарелке высилась горка оладьев, щедро политая вареньем.

– Лучше обезжиренный творог в голове, чем варенье, – огрызнулся Комаров. – От варенья мозги слипаются. И не

только мозги.

– Уж пусть лучше слипнется, чем сохнет.

– Анна! Ты ли это? – Тёща развела руками. – Приличные девушки так не говорят.

– Вы бы, Светлана Петровна, – не обращая внимания на презрительный взгляд супруги, продолжил Комаров, – в Летний сад погулять сходили бы, что ли! Благо живем в двух шагах. Глядишь, и еще бы одно удовольствие в жизни обнаружили. Прогулки на свежем воздухе не только полезны, но и познавательны.

– Ну, чего я там не видела? В этом Летнем саду? Тоже придумал! – фыркнула тёща. – Да еще погодка такая, что того и гляди, в Неву унесет.

– Тебя, бабуля, точно не унесет, обломается! – хмыкнула Лера, подкладывая бабушке оладьев.

– А я и экспериментировать не буду! – Теща махнула рукой.

– Кто будет кофе? – для порядка поинтересовался Комаров, направляясь к кофеварке.

– А кофе разве твоему драгоценному здоровью не повредит? – в прежнем тоне поинтересовалась Анна.

– Вот, если б с молоком, да с сахарком, я бы выпила! – подала голос тёща.

– Я вам, Светлана Петровна, капучино сделаю. Он и с молоком, и с сахарком.

– А и сделай! В кои-то веки зять дома. Ну-ка поухаживай

за старухой, а то всё поучаешь да поучаешь.

Комаров ухмыльнулся и приготовил теще кофе. В отличие от его жены, теща обладала чувством юмора и имела незлобивый характер. Он поставил перед ней чашку и придвинул сахарницу. Свой кофе он выпил прямо у кофемашины, не сядя за стол. Конечно кофе ему был вреден, тут Анна была права на сто процентов. На кофе в большом количестве организм тут же отзывался тошнотой и болями в правом подреберье. Но это в больших количествах! А небольшую чашечку «американо» раз в день можно было себе позволить. Тем более что кофе Комаров очень любил.

– Всё, Лера, – он посмотрел на часы, – собирайся. Пора. Жду тебя в машине.

По дороге на дачу они, как обычно, заехали в грузинский ресторан, где накануне Комаров заказал шашлык. Ему выдали пластиковое ведро с маринованным мясом и корзину с овощами и зеленью. Зная пристрастия постоянного клиента, работники ресторана для шашлыка Комарова использовали исключительно нежирную ягнятину.

Дача произвела на Комарова унылое впечатление. Газоны, которые он самолично подстригал всё лето, были завалены опавшими листьями и ветками с деревьев. Ветер и колючий дождь грозились превратить уборку газонов в самую настоящую пытку. Дом, покинутый в начале октября в страшной спешке, производил удручающее впечатление. Огромная кухня-гостиная даже казалась липкой от грязи. Если в

городе по настоянию Комарова квартиру регулярно убирала домработница, то на даче, особенно в сентябре не убирался никто. Светлана Петровна уже не могла это делать по состоянию здоровья, Лера съехала с дачи в сентябре на учебу, а Анна... Вечно усталая Анна ездила на дачу исключительно для того, чтобы отдохнуть. Поэтому Комаров по окончании дачного сезона регулярно занимался тем, чтобы привести дом в порядок к майским праздникам. Опять же у него в связи с этим всегда имелся прекрасный повод улизнуть из дома на выходные.

– Ну и нафига мы сюда приехали? – справедливо заметила Лера.

– Трудотерапия, дитя мое, штука очень полезная! Я беру на себя камин и сортиры, а за тобой кухня. Возражения есть?

– А если б и были? – Лера тяжело вздохнула и принялась за дело.

В процессе совместной работы по дому Комаров наблюдал за дочерью и тихо радовался. Лера не халтурила, при этом делала она всё быстро и сноровисто. Даже холодильник вымыла без напоминаний с его стороны. Слава Богу, тут она уродилась не в мать.

– В следующие выходные займемся полами, – сообщил Комаров, когда они с чистой совестью после проделанной работы уже сидели у пылающего огнем камина и поглощали шашлык. Лера тяжело вздохнула.

– Это называется эксплуатация женского и детского тру-

да! – заметила она, снимая с очередного шампура куски мяса.

– Ты уж определись женского или детского? На дитяню ты уже никак не тянешь. А насчет женского... На вот, посмотри. – Комаров протянул дочери захваченный им из города гламурный журнал о светской жизни. – Знаешь кто это?

Лера оторвалась от шашлыка и взяла журнал. На обложке красовалась та самая одноклассница Комарова – Ленка из сто двадцатой квартиры.

– Ну, Елена Миллер, самая известная наша топ-модель, Лагерфельд её вроде как просто обожает. Она еще замуж вышла за какого-то спортсмена, кажется негра, и сейчас в кино снимается. А что?

– А то! – Комаров поднял кверху указательный палец. – Это Ленка, моя одноклассница.

– Гонишь?! – Лера приблизила фотографию к глазам. – Да ей лет тридцать максимум! Ну, тридцать пять.

– Ха! Ей сорок пять в сентябре стукнуло.

– Ничего себе «баба ягодка опять». – Лера присвистнула.

– Вот именно! Она старше твоей матери практически на пять лет.

– У тебя с ней что-то было? – Лера сделала круглые глаза и сразу сделалась похожей на Анну.

– Ерунда. – Комаров махнул рукой. – Целовались на выпускном, и всё.

– Ну ты, папаша, и дурак! Я бы сейчас дочкой топ-модели

была. – Лера мечтательно закатила глаза.

– Ага! А я её мужем, кажется негром?

Лера прыснула.

– Лер, – Комаров забрал у дочери журнал и отложил его в сторону, – я это тебе к чему рассказываю. Погляди на себя в зеркало. Ты очень красивая девушка, но если ты продолжишь жрать в том же духе, то заработаешь ожирение и никогда не выйдешь замуж.

– Паап! Ты опять. Вот мама говорит, что у меня такая конституция.

– Глупости. То, как твоя мать сама себя уродует – её личное дело. Она может свою лень оправдывать чем угодно. Хоть конституцией! Хоть декларацией! Ты – другое дело. Твоя жизнь только начинается. Перед тобой открыты все пути. Выбирай. Стать такой, – Комаров ткнул пальцем в журнал, – или такой, как твоя мать!

Лера выпрыгнула из кресла, подошла к отцу и по-матерински поцеловала его в лоб.

– Видишь ли, папенька, – сказала она, глядя на отца с сочувствием, – это всё ваши старперские прибаамбасы и комплексы. Современная молодежь не стесняется себя. Я такая, какая есть, и я себе нравлюсь. И не только себе.

При этих словах дочери Комаров живо представил себе собственную гостиную, где на диване перед телевизором восседают уже четыре гусеницы, причем четвертая гусеница – мужского пола.

– Ты хочешь сказать, что у тебя уже есть парень? – испуганно спросил он.

– Ну, в принципе, наверное, есть.

– Что значит в принципе? – насторожился Комаров. – Почему, наверное?

– В смысле потенциально, я еще не определилась, кого из них выбрать.

– Из них?

– Ну да! Я ж тебе говорю, что нравлюсь людям.

– А может быть им нравится твое материальное положение? – осторожно поинтересовался Комаров. – Ты любимая единственная дочка у своих родителей, получаешь самое дорогое в городе образование, не ровен час папочка тебе машинку купит.

– Ой! Правда купит? – Лера захлопала в ладоши.

Комаров показал ей кукиш.

– Если ты еще и передвигаться по городу станешь не на своих двоих, то ни в какую машинку не влезешь. Вот скинешь килограмм десять лишнего веса, тогда подумаю.

– Папуля! Ну, с чего ты взял, что у меня есть лишний вес? Может, я просто не хочу греметь костями, как эта твоя топ-модель. – Во время этой беседы Лера ловко убрала всё со стола и запустила посудомойку. – Эх, хлебушка бы еще сейчас!

– Лучше булочки, – язвительно заметил Комаров, – с маслицем! Тогда тебя точно ни один кавалер мимо не пропу-

стит.

Лера показала отцу язык и убежала к себе в комнату, чтобы зависнуть «В Контакте». Современная молодежь почему-то предпочитала эту сеть Фэйсбуку, где зависали уже люди постарше. Те самые со старперскими комплексами, которые почему-то считали, что у девушки обязана быть талия. Комаров вздохнул, налил бокал вина и отправился к себе: висеть в Фэйсбуке. Там у себя на странице он разразился постом о взглядах современной молодежи на себя любимых и на старперов родителей.

«Макдональдс» форевер!» – тут же с пониманием отозвалась Женщина Кошка.

«Именно так», – согласился Комаров.

«А я ведь и сама иногда не могу устоять, – призналась Женщина Кошка. – Так и тянет туда, так и тянет. Картошечка-фри, кетчуп и эта булка, в которой всего такого вкусного понапихано»!

«Ага, и пирожок с химозным вареньем и такой же химозный коктейль», – сыронизировал Комаров, хотя сам чуть не захлебнулся слюной. Уж больно ярко Женщина Кошка описала вредную еду из фаст-фуда.

«Да, ладно Вам! Иногда можно и гадости поесть. Сами знаете, чем гадостней, тем вкусней. Главное двигаться побольше».

«Это если здоровье позволяет, а то ведь съешь этой самой картошечки с той заветной булочкой, раздуешься как бочка,

а потом всю ночь спишь на воздушной подушке».

«Упс! Выражаю свое глубокое сочувствие тому, кто спит с Вами рядом».

«Лучше мне посочувствуйте. Тот, кто спит со мной рядом, большой любитель этих вот булочек и летает под потолком практически каждую ночь. Вы лучше скажите, сколько у Вас котов?»

«Котов? Каких котов Вы имеете в виду?»

«Тех самых, которых любите. Вы же Люба Котова. Или это, наоборот, коты Вас любят?»

«Ах, этих! У меня две штуки. Кот и котенок. Оба крупные, размером где-то метр девяносто пять».

Комаров тяжело вздохнул. Он почему-то представлял себе Женщину Кошку одинокой красавицей, причем обязательно с талией, а ведь она может запросто оказаться замурзанной теткой еще и пошире его жены. Вон, как «Макдональдс» со вкусом расписала.

«Вы всё любезничайте и любезничайте, – встрял в беседу невесть откуда материализовавшийся Адам Кукиш. – Когда уже, наконец, поженитесь?»

«Адамушка, обещаю, Вы узнаете об этом первым»! – сразу нашлась женщина Кошка. Комаров даже представил, как она хихикает.

«Ну да, – добавил он, – осталось вот только парочку котов куда-нибудь пристроить».

«Вы бы, мадам Котова, лучше со мной полюбезничали, –

заметил Кукиш. – Мне-то никакие коты не помеха, и вообще, я тут в новом костюме сижу. Красивый до невозможности».

«А чего это Вы, господин Кукиш, субботним вечером в костюме делаете? – поинтересовался Комаров. – В субботу положено надевать треники с вытянутыми коленями, вот как у меня, например»!

Конечно, никаких вытянутых коленей у Комарова не было и в помине, впрочем, как и самих треников, но ему почему-то захотелось соответствовать образу той самой замурзанной тётки, которая недавно промелькнула в его сознании под видом Женщины Кошки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.